

ЗАПИСКИ ПРОТОИЕРЕЯ ІОАННА ВИНОГРАДОВА,

1800—1836 гг.

Посвящено М. И. Платоновой.

Записки придворного протоиерея Виноградова занимаютъ три довольно объемистыя тетради въ 8-ю л., и сообщены намъ въ 1874 г. дочерью покойнаго, М. И. Платоновой. Такъ какъ «Записки» эти заключаютъ въ себѣ большую часть подробности чисто личнаго и семейнаго характера, то, оставляя значительнейшую часть ихъ въ рукописи, мы, соединили здѣсь только такія выдержки, которыя сколько нибудь имѣютъ общий интересъ и значение.

Глава первая обнимаетъ воспитаніе И. Виноградова, до окончавія курса въ семинаріи, т. е. съ 1800 до 1819 года, вторая—содержать описание тѣхъ событій, который случились во время службы его въ званіи учителя и діакона, до поступленія въ Гатчину, т. е. съ 1819 по 1826 годъ, и, наконецъ, третья глава—остальное время жизни до 1836 года.

Ред.

I.

Родители Виноградова происходили изъ духовнаго званія и жили въ Старой Ладогѣ болѣе 25-ти лѣтъ. У нихъ было 17 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ три девочки умерли вскорѣ послѣ рожденія. Всѣ дѣти были пристроены благополучно, не смотря на то, что отецъ Виноградова, священникъ, въ теченіи всей своей многолѣтней службы, получалъ «только 40 р. годового оклада».

Въ началѣ 1800-хъ гг., родители отдали Виноградова въ ученье. «По простотѣ тогдашняго времени, — разсказываетъ Виноградовъ,— болѣе же по бѣдности отца моего и по недостатку просвѣщенныхъ людей на моей родинѣ, я отданъ былъ староладожскому мѣщанину Борису Силичу, въ наученіе читать по церковному: ибо еще въ ту пору почиталось ересью читать по граж-

дански, а духовные люди даже и писали славянскимъ почеркомъ, большою частю. Наставникъ сей былъ старикъ добрый и грамотный между невѣждами¹⁾: читалъ хорошо, а писать, не помню, умѣлъ ли хорошо. У него-то поспалъ я таинственные до того мнѣ знаки: азъ, буки, вѣди и проч., тяжелые и страшные склады: азъ—напль—глаголь—есть—ге—люди-еръ—ангель! Изучилъ апострофы, кавыки, скрѣкъ, запятую, двоеточіе, прошелъ священный часословъ и, кажется, началь псалтирь, для продолженія и окончанія которой перевели меня въ высшее училище въ новоладожскому Климентовскому діакону. По окончаніи псалмовъ Давидовыхъ, я началъ адѣсь писать, или лучше малевать буквы со стариныхъ прописей, которыхъ весьма далеки были отъ нынѣшняго совершенства каллиграфіи. Въ сіе время, особенно при началѣ ученика, я испытывалъ справедливость словъ: «нужно ангельское терпѣніе и учителю, и ученику, чтобы сложить слово: ангель». При обученіи необходимо было безъ пласти, лишенія обѣда, земныхъ поклоновъ, стоянія на колѣнахъ и др. наказаній. Вознагражденіе упомянутымъ педагогамъ было слѣдующее: «діакону платили, кажется, по 7 руб. за выучку псалтири и писанія, а Борисъ Сизичъ брали по полтора рубля мѣдью съ души, кажется, тоже не менѣе, какъ за 6 мѣсяцевъ». Въ продолженіи ученья, другія заплаты Виноградова, заключались въ разныхъ дѣтскихъ шалостяхъ, въ разсыпкахъ на колокольню звонить, въ укачиваніи дѣтей въ ночное время и т. п.

Какъ бы то ни было, но первоначальное воспитаніе кончилось и «приближалось время перерожденія», какъ называетъ автобіографъ свое образованіе въ семинаріи. Передъ поступленіемъ въ нее, отецъ возилъ Виноградова въ Валаамский монастырь, на Ладожское озеро. Въ продолженіи этого путешествія, они чуть не погибли на Ладожскомъ озерѣ отъ бури, которая адѣсь такъ чести. Самый монастырь представлялъ, во всѣхъ отношеніяхъ, образецъ монашеской жизни и благочестія. «Замѣ-

¹⁾ «Кто бы повѣрилъ почтенной старинѣ, которую иногда выквалишь предъ новыми временами: тогда и въ хлѣбѣ трудно было смѣкать чернильницу, о бумагѣ и перьяхъ не говори. Я помню, какъ въ судебномъ дѣлѣ същенникъ просилъ кабатчика расписаться за неумѣніемъ его грамотѣ. Помню, какъ матери копающи дрались съ мужьями за то, что имъ не хотѣлось отдавать дѣтей въ семинарію».

тить при семъ надобно,— говорится въ воспоминаніяхъ,— что Александръ I посѣтилъ однажды сіе благородное убѣжище и былъ плененъ всѣмъ противуположнымъ тутъ миру и земной суетѣ. Говорили, что онъ пробылъ тутъ около трехъ сутокъ и когда въ первый вечеръ привнесли для него пуховикъ, то онъ отвергъ онъ, сказавъ: «не хочу покойиться и пѣхѣться на мягкомъ ложѣ тамъ, где святые почивали на каменіи; постелите для меня солому!» И это было исполнено во дни присутствія его величества. Память сего славнаго посѣщенія сънаменована бриллиантовымъ крестомъ, который высочайше пожалованъ всѣмъ безъ изысканія игуменамъ онаго. Вскорѣ послѣ возвращенія съ Валаама, Виноградовъ долженъ былъ отправиться въ С.-Петербургскую семинарію. «На родинѣ моей, —разказываетъ автобіографъ въ заключеніе воспоминаній о своемъ дѣтствѣ,—много чудесностей, самихъ по себѣ звачительныхъ, но рассказами сторожилъ и преданіемъ стариковъ украсенныхъ. Кому захочется полюбопытствовать, исчисляю ихъ: Въ крѣпости Рюрика найдете тайникъ или подземный ходъ подъ рѣку Волховъ; на дорогѣ къ Новой Ладогѣ увидите высокую сопку, изъ коей, говорятъ, по видному и теперь провалу, выпадались въ рѣку бочки съ золотомъ, которую тотъ поймаетъ, кто можетъ сплести пелковый неводъ; не подалеку отъ оной, на обоихъ берегахъ рѣки представляется въмѣстѣ противуположно дѣй часовни съ могилами, на коихъ стояли болѣшіе, неуклюже высѣченныя, безъ надписей, кресты, будто тутъ погребены какіе-то богатыри, убившіе другъ друга палицами, не смотря на то, что рѣка въ томъ мѣстѣ широка около четверти версты; выше по Волхову, за мужскими монастыремъ, кровавый ручей, здесь во время литовскаго нашествія, я думаю при Баторіи, текло множество крови убитыхъ въ пораженіи; по обонимъ берегамъ иѣсколько сопокъ—мѣста погребенія тѣлъ убитыхъ, которыхъ не зарывали, какъ нынѣ въ землю, но складывали въ кучи и обсыпали землею».

По приѣздѣ въ Петербургъ и послѣ представленія митрополиту Амвросію, Виноградовъ былъ принятъ въ семинарію¹⁾ своимъ воспитанникомъ. Сначала ему сильно не хотѣлось учиться; но потомъ «заботливость учителей, примѣры товарищей,

¹⁾ Т. е. собственно въ академію, какъ это видно будетъ ниже.

иоощрения и самия наказания порождали и усугубляли» въ пемъ охоту къ занятиямъ, такъ что скоро опь сдѣлался хорошимъ воспитанникомъ и «достигъ чиновъ школьныхъ (censor, auditor, prior, senior). Не всякому такъ счастливо удалось пройти поприще учения, какъ мнѣ,—говорить о. Виноградовъ.—Я изнаночль наважденія ливторскаго (т. е. розогъ), между тѣмъ какъ почти ни одинъ изъ товарищев не набѣгъ сего столъ употребительного тогда средства въ образованіи юношества духовнаго. Два или три раза поставленъ быль на колѣни и то за защиту соученикоў. Вѣсть есть успѣхами въ ученыи, Виноградовъ заботился объ усовершенствованіи вѣшняхъ пріемовъ, выговора и т. п. »Мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ,—замѣчаѣть онъ,—что научился я иходить, и говорить, и стоять по питерски... Старые пріемы во всемъ я старался покинуть; иль самой походкѣ старался подражать какомунибудь протопоповичу».

Изъ начальствующихъ лицъ въ академіи, въ первое время ученія, замѣчательный былъ префектъ ея—архимандритъ Израиль, который былъ въ то же время и намѣстникъ Лавры. «Въ его префектство академисты имѣли всегда прекрасную пищу, присмотръ за поведеніемъ ихъ былъ исправный, чистота соблюдалась въ жилищѣ и въ одѣяніи опрятность, вообще болѣе заботились о физическомъ и о нравственномъ усовершенствованіи юношества. Послѣ Израиля эквономія и мораль потерпѣли значительный упадокъ. При немъ академія имѣла своихъ отмѣнныхъ пѣвчихъ, прекраснѣйшихъ музыкантовъ, часто бывали собранія въ залѣ, куда съѣзжались изъ столицы люди знатные и богатые. Самъ митрополитъ Амвросій не рѣдко присутствовалъ на онихъ... Примѣтъ не величие, что вромъ строгаго надзора префекта надъ состояніемъ стола нашего, самъ митрополитъ частехошко въ подряничкѣ, въ камилавочкѣ, тихонъко заходилъ и въ кухню. Что тутъ дѣлать экюоному!»

Въ то время вѣдь академистамъ давался каждогодно 1-го мая праздникъ, называемый «рекреація». Въ этотъ праздникъ воспитанниковъ раздѣляли на особы часы, въ родѣ ротъ, лаждому давалась деревянная шпага, знамена были бумажныя; упомянутыми рогами командовали, заставляли другъ у друга отнимать позиціи и проч., «словомъ дѣйствія сіи похожи были на военные».

«Въ Александровъ день, 1818 года, Израиль нарядилъ вѣсъ новыя, синія сукна, казакины (родъ сюртуковъ, со стоячимъ воротомъ чернаго бархата, обшиты по окону и по полю краснымъ снуркомъ), въ башмаки, намазаль волоса помадою и въ семъ убранствѣ поставилъ по обѣимъ сторонамъ аллеи, что отъ собора до келлій митрополита, гдѣ государь Александръ изволилъ проходить съ высочайшею фамиліею послѣ объеди. Не разразить ли зреѧще сіе послѣ простыхъ сельскихъ переменій?... А цесаревичъ Константинъ,—тогъ, посмотрѣвъ на строй студентовъ, сказалъ: «молодцы! всѣхъ бы въ улазы».

«Къ сему времени надобно отнести слѣдующее, въ Старой Ладогѣ, обстоятельство: это странное перевезеніе по сухому пути яхты «Голубка», которую пожаловалъ изъ даръ государь Александръ Павловичъ графу Аракчееву. Есъ надобно было провести по Волхову до Грузина. Но двинувшись до порога ладожскаго, она остановилась: дно рѣки не позволяло такому судну шествовать. Что было дѣлать? Да и чего не сдѣлали бы для Аракчеева? Крутые берега близъ пороговъ не позволили морякамъ искуснымъ приступить къ необыкновенному явленію. И такъ, спустясь верстъ 8 вънизъ, у деревни Извоза вытащили «Голубку» на отлогій берегъ, поставили на огромныя полозья, устяли дорогу изсаленными горбыльями и сего пять человѣкъ тянули ее болѣе 12 верстъ, отрубая углы домовъ и часовенъ, гдѣ онае шествію сему препятствовали. Наконецъ пушечная пальба уведомила жителей, что судно сіе сошло съ берега благополучно. Понимается, въ день двигалось оно не болѣе 60-ти саженъ».

По удаленіи изъ академіи Израиля, «въ должность ректора вступилъ любезный начальникъ, ученый мужъ, богословъ и физикъ Порфирий, архимандритъ. При немъ (говорятъ автобіографъ) произошла реформа духовныхъ училищъ. Въ самомъ дѣлѣ страннимъ покажется, когда разскажу я: меня отдали въ академію и я считался ея ученикомъ, потомъ сдѣлали семинаристомъ, а послѣ ученикомъ юзданаго училища. Въ сіе время начало рождаться новообразованная академія наша, навезли въ наше студентовъ старыхъ и учителей умныхъ; для большаго ума явились изъ Москвы иллюмини: іеродиаконъ Филаретъ, игуменъ Иннокентій—свѣтильники церкви русской. Два мужа сіи были образователями и насадителями, и первыми трудолюбивыми

дѣлательами нового духовного разсадника, изъ коего теперь исходить служители отечеству и церкви полезнѣйши». На первых порахъ новообразованной академіи произошелъ такой случай: «студенты пошумѣли за лицу съ инспекторомъ-экономомъ». Всѣдѣствіе этого одни изъ начинщиковъ шума, были «отдацы въ солдаты безъ выслуги», другіе—«навсегда въ дѣяки. Митрополитъ Амвросій сильно оскорбленъ былъ такимъ оборотомъ дѣла противу студентовъ и академіи».

Черезъ два года послѣ того, т. е. въ 1811 году (?) старшій братъ Виноградова, священникъ артиллерійскаго госпиталя, «пошелъ въ походъ съ петербургскими ополченцами». Виноградовъ проводилъ брата съ глубокою скорбью, такъ какъ онъ помогалъ ему не только во всемъ материально, но и руководилъ имъ въ умственно-нравственномъ развитіи. По этому понятно, что изгѣстыя отъ брата были крайне желательны и пріятны. «Письма отъ него,—говорить автобіографъ,—проливали отраду въ сердцѣ моемъ: помнится, были онъ изъ Полоцка, Юрбурга, Кенигсберга, Данцига. Которое-то изъ нихъ было написано на гербовой напомеоновской бумагѣ; письмо обрадовало, но бумага ввела насъ въ печаль и отчаяніе—мы подумали, что братъ въ плѣну, не винимая закону войны, что плѣненные не имѣютъ сей отрады до размысла». Но, напрасно плакали мы о братѣ; не брата потерю чуяло боязливое сердце; дома носилась надъ намъ грозная туча: батюшка хворалъ и неназѣчимо. Чрезъ нѣсколько дней по приѣздѣ ректора Виноградова (онъ былъ въ это время въ риторикѣ) домой, въ Старую Ладогу, отецъ его скончался. Положеніе оставшихся членовъ семейства было въ высшей степени печально: по случаю продолжительной болѣзни покойнаго домашнее хозяйство разстроилось; были долги; а въ наличности оставалось 6 коп., вдова и четверо дѣтей. Въ числѣ послѣднихъ была дочь, взрослая дѣвушка; ее просватали за одного студента семинаріи, который долженъ былъ заступить священническое мѣсто покойнаго. Скоро, при содѣствіи нѣкоторыхъ благотворителей и при денежной помощи брата Виноградова, бывшаго въ походѣ, сыграли свадьбу. «Такимъ образомъ, говорится въ воспоминаніяхъ, совершилось въ домѣ нашемъ два противоположныхъ одно другому происшествія и почти въ теченіе 10-ти дней: погребеніе родителя и бракъ сестры. Сія послѣдняя статья, хотя сдѣлана противу обычая

нашей родины, по съ благословенія и даже по приказанію умершаго. Да не знаю—исполненіе обычая не есть ли принадлежность довольства и богатства? Кажется, тамъ нѣтъ мѣста этимъ, причудамъ человѣчества, гдѣ царствуетъ нужда, которой служители приличій не видали и не вѣдаютъ. При обоихъ случаяхъ мы съ братомъ (срединѣ) были дома и просрочили. Позднее прибытие братьевъ въ семинарію вызвало суровыя замѣчанія со стороны «добрѣшаго и приспоматнаго ректора Иппокентія», который былъ въ это время вмѣсто Порфирия».

Разнеслась вѣсть о приближеніи ополченія 1812 г. къ Петербургу. Виноградовъ не утерпѣлъ и отправился на Петергофскую дорогу встрѣтить любимаго брата. Однако же здѣсь онъ его не засталъ, а встрѣтилъ его уже на Исаакіевской площади, гдѣ у собора происходило приготовленіе къ торжественной встречѣ ополченія. Собрание было многочисленное, митрополитъ съ духовными, военными, гражданскими чинами и все въ движеніи ожидало ратниковъ отечества. Напослѣдокъ приблизилось, но что? Частица той огромной массы народа, которая за два передъ симъ года двинулась противу непріятелей. Устроились около собора и приготовились къ молебствію....

«Бѣжалши за братомъ отъ Ульянки, мимоходомъ примѣтили мы, что многіе ополченные офицеры возвращались въ крайней бѣдности. Я видѣлъ офицеровъ въ раныхъ сюртукахъ, въ неприличной и не цѣлой обуви,—и сіи бѣдные добровольные воины, можетъ быть, въ ранахъ, для укритія себя отъ стыда, или по сторонамъ дороги, опушкою лѣса. Сколько тутъ представлялось картины и радости, и неутѣшной скорби! Тѣ, срѣясь съ родными возвратившимися, обаямались, лобызались, не помнились отъ внутрен资料 утѣшнія. Другіе, идучи срѣтить, не находили ждающихъ, и, узнавъ о смерти ихъ, предавались стѣнанію и юшами своими оглашали воздухъ. Въ томъ и другомъ случаѣ и постороннему зрителю невозможно было равнодушно переносить сцены сіи!...

Въ бытность Виноградова уже въ богословскомъ классѣ семинаріи митрополитъ Амвросій оставилъ каѳедру и на его мѣсто поступилъ митрополитъ Михаилъ, а чрезъ нѣсколько времена послѣ этого, удаленъ былъ отъ должности ректора уважаемый Иппокентій. «Давно хотѣлъ онъ,—рассказываетъ Виноградовъ, геевать противу массоновъ и надѣлся оставаться по-

бъдителемъ, будучи увѣренъ въ чистотѣ ученія своего и смысли своего замысла. Мы видѣли все сие изъ открытыхъ его словъ въ классѣ. Открылся случай и по его сердцу. Илько Станевичъ издалъ книгу: «плачъ матери» и проч. Описалъ въ оной нестроенія и заразу, кои вносятъ Западная церковь въ Восточную и разительно изобразилъ жалкое состояніе православія. Изборникъ вѣры не долго думалъ и рѣшилъ, какъ цензоръ: «печатать позволяется», — непредвидя хитростей эхидны, давно уже зіающей противъ него злобою за смѣлыя его выходки, и не соразмѣря силь своихъ съ могуществомъ множества знатныхъ, покровительствовавшихъ массонамъ. Книга вышла въ свѣтъ съ разрѣшеніемъ Илько Станевича, и вышла скоро, между тѣмъ, какъ около пяти лѣтъ Станевичъ ходилъ съ нею по Москвѣ и Петеру, и ни тамъ, ни здѣсь цензора не позволяли ее обнародовать. Возстало массонское общество противъ смѣлаго цензора и дерзкаго сочинителя; обвинили ихъ въ нарушеніи мира церкви; донесли и рѣшено: сочинитель сосланъ, цензоръ удаленъ отъ должности, ако возмутитель церковнаго спокойствія. Что-то тутъ послѣ происходило тайно; потому назначили Илько Станевича епископомъ Пензенскимъ и Саратовскимъ, вѣроятно по ходатайству всѣмогущъ его уважавшихъ.... Въ одинъ день приходитъ онъ въ классъ въ примѣрномъ смущеніи, въ необыкновенномъ парадѣ, со всѣми орденами и крестами, и, окончивъ членъ (шеврігіш) тогдашнимъ урокомъ, сквозь слезы сказалъ намъ: «сімъ членомъ оканчиваются мои уроки; волага члена начинать не буду, чтобы не оставить головы безъ туловища». Мы остолбенѣли отъ слова его; страхъ и отчаяніе овладѣли нами; слезы полились у всѣхъ горкія. Примѣти все сіе, Илько Станевичъ продолжалъ къ намъ: «да, братцы учитесь терпѣнію, — я примѣръ вамъ. Если любите меня, благодарите Господа, что меня удаляютъ, но епископомъ; а по доносу должны быть лишились званія». Въ день его отѣзда всѣ мы — студенты богословія пошли къ нему проститься, получить благословеніе и посмотрѣть на него, увы! въ послѣдній на землѣ разъ. Цѣлуясь съ каждымъ изъ насъ искренно и братски, «прощайте», — говорилъ онъ, — прощайте; братцы! Не поминайте лихомъ собаку (?) Илько Станевича! Да возмите на память отъ меня по подарку». Съ сими словами винеетъ каждому по ибѣскошку книгу, присказавъ про свои сочиненія: «когда сочините лучше, сожгите

сіи негодныя». Два мѣсяца не болѣе жилъ онъ на епархіи. Смерть пресѣкла златые дни его, ко всегдашнему воспоминанію церкви и въ вѣчную увѣризну мірской кривды.... Ибо что послѣ случилось? Годъ одинъ прошелъ послѣ блаженной кончины его, какъ Станевича, яко невиннаго автора, возвратили въ отчество, книгу, за которую пострадалъ праведный цензоръ, напечатали, яко полезную церкви и пустили во всеобщее употребленіе.¹⁾

Послѣ Илько Станевича ректоромъ назначенъ былъ архимандритъ Поликарпъ, при которомъ «кончилось ученое въ семинаріи по-прище.» Но для Виноградова кончилось оно не совсѣмъ благополучно. Дѣло въ томъ, что прежде, во время экзаменовъ, воспитанниковъ спрашивали по билетамъ и каждый могъ обдумать напередъ свой отвѣтъ. На послѣднемъ же выпускномъ экзаменѣ поступило было иначе. Митрополитъ Михаилъ, присутствовавшій на экзаменѣ, руководствуясь только враткимъ конспектомъ, задавалъ столь общіе вопросы, что на нихъ приходилось «читать цѣлую часть богословія.» «Такъ и мнѣ, — разсказываетъ автобіографъ, — въ удѣлѣ досталось de angelis. И сіи angeli boni et mali перерадили меня изъ первого, въ которомъ былъ у Илько Станевича, во второй разрядъ.» Второразряднымъ воспитанникомъ онъ и закончилъ курсъ.

«Признаюсь, заканчиваетъ авторъ свои воспоминанія о семинарской жизни, и много, весьма много обязанъ семинаріи. Благодарность заставляетъ молчать о чёмъ нибудь на счетъ ея обидномъ. Но цѣль моя — воспоминаніе не запрещаетъ описывать и черную и белую стороны. А потому скажу, что знаю, что замѣтилъ. Въ семинаріи, какъ и въ другихъ заведеніяхъ, три разные предмета встрѣчаются, на которые начальство должно обращать особенное свое вниманіе: нравственность, наука и экономія.

¹⁾ Вотъ одинъ случай бывшій съ Илько Станевичемъ. Однажды Илько Станевичъ возвращался въ комната первого; Иванъ (королль изъ инвалидовъ, бѣднѣйший студентъ) взялъ штофъ синихъ, которую употреблялъ иногда по умѣренно, сталь въ дверяхъ, гдѣ должно было идти симъ знаменитому мужику, поднялъ штофъ и замѣтилъ: «два дурака въ одинъ воротъ!» Симъ поступкомъ такъ разсерженъ былъ Илько Станевичъ, что разбилъ штофъ и хотѣлъ непремѣнно наказать грубаго солдата. Но что сѣть ярдѣ? Онъ нарѣзала пропасти прутьевъ и принесъ къ Илько Станевичу, когда сей былъ уже въ склонномъ расположenіи духа, сказавъ: «Но, сѣкъ, да знаѣ, что здѣсь мало лѣсу, чтобы меня достойно за грѣхи наказать. Но бѣдъ, пожалуй, только не гибѣйся!» Илько Станевичъ простили его.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи были въ дни наши сіи значительныи и достойныи вниманія обстоятельства.

«Мораль. Правда, безъ умолку кричать наставники во услышаніе питомцевъ: начало премудрости есть страхъ Господень! Въ злохудожную душу не внедрить премудрость. Но какъ далеки отъ достижениія сей прекраснайшой цѣли средства, ими употребляемыи. Они приучаютъ любить добродѣтель не умѣщаніями трогательными и описаніемъ красоты ея, но только страхомъ наказацій. И что пользы отъ сей неумѣстной палки на поощрющій благочестія? Извѣстно, что рабъ не сынъ. Водясь страхомъ неключимаго раба, мы не только во младенчествѣ дѣлаемся рабами, но и въ жизни и службѣ—навсегда, насательно своихъ начальниковъ. Чрезъ сей значительный недостатокъ сколько теряетъ священникъ русской церкви, при всей своей образованности, предъ какимъ нибудь финскимъ или лютеранскимъ!... Въ самомъ сиѣтскомъ быту не многое и немногое выгадали наши, которымъ вздумалось въ кругу смѣлыхъ и оборотливыхъ смиренничать по монашески. Въ самомъ дѣлѣ, эта слабость у насъ величается называемъ смиреніемъ. Низко кланяться, робеть, трястись отъ страха предъ лицемъ ректора или инспектора, отвѣтъть имъ не смѣло—вотъ признаки сей вредной добродѣтели. Теперь я не могу надивиться деспотизму семинарскому, когда узналь корпуса и юнкеровъ. Здѣсь не видаль и, надѣюсь, не увижу никогда сею подобнаго. Кадетъ или пятомецъ, видя начальника, отдаетъ ему честь должную, по говорить ему, какъ отцу, о своихъ нуждахъ прямо и смѣло,—здѣсь я вижу, что учащійся не забываетъ, что онъ человѣкъ. Не скажу, что въ корпусахъ все святость, да правда. Нѣтъ. И тутъ не безъ грѣховъ,—но мѣры къ истребленію другія, лучшія, благороднѣйшия и дѣйствительнѣйшия. Слыхалъ я, какъ какой нибудь генералъ въ избѣдахъ и крестахъ начнетъ выставлять вредъ шалостей и пользу благонравія; право, другому доктору богословія, со всемъ огромною теоріею, и въ голову не пришло бы такое сильное поуденіе! Св. винокамъ довольно, кажется, что они носатъ имъ почетніей нравственности, довольно что могутъ при семъ и пожать въ свое удовольствіе, и какъ имъ хочется. Невольно, а спросишь послѣ сего: сіи начальники не суть ли наемнизи, вѣтъ же овцы не своя? Имъ мало дѣла, и важнѣйшій своего званія предметъ

нравственность врученныхъ имъ дѣтей считаютъ они лживымъ, или маловажнымъ. Отъ сего то небреженіе что дѣлается съ тѣми, комъ обречены на сань священныи съ дѣтства? Невинные, въ теченіе 6 или 7 лѣтъ, послѣ надвора родительскаго, чѣмъ становятся они въ училищѣ благочестія? Боже! Морозъ простирается по тѣлу, когда представлю себѣ прошедшее!...

«Науки. Извѣстно, что въ семинаріи преподаются науки, для духовнаго званія необходимыи. Учать здѣсь хорошо, основательно. Родила и она много людей отечеству и церкви полезныхъ. Способъ преподаванія все еще старый, исключая obiectiones et defensiones, которыми въ древности не только во времена М. В. Ломоносова, но и въ 1807 году заставляли наполнять публичная испитанія, а посѣтителей сидѣть и гладѣть на ученую бранью. Схоластизмъ не вывелся. Богъ знаетъ не умѣютъ, или не хотятъ мои наставники передавать познаній своихъ? Кажется, они не нѣмы, симъ только странникамъ на земль русской сродно тантъ отъ учениковъ своихъ многое, дабы не остаться имъ въ ней впослѣдствіи безъ куска и приюта. Можетъ быть и правы: поелику ихъ самихъ такъ учили. Слава Богу! съ тѣхъ поръ, какъ ввелось новое образованіе по части духовной, покрайней мѣрѣ, примирило превращающіеся варварства въ наказаніяхъ учащихся. Право, безъ ужаса и омерзѣнія нельзя вспомнить, какъ жестоко казнили ученика за еготъ въ склоненіи.

«Экономія. Въ наше время часть сія столько же была худа, сколько совершенна и хороша при Израилѣ. Непонятно, отъ чего и отъ кого произошелъ такой упадокъ опой. Положеніе отъ газы было увеличено, оклады съ своекоштныхъ возвышені, а столовая и пухна были весьма въ неопрятномъ тонѣ: неопрятность, дурной вкусъ, качество дешевыхъ и порченыхъ припасовъ—отличали оны; все дурно, худо, чутъ не скверно. Посмотрѣлъ бы кто на одѣяніе семинариста-студента, удивился бы убранству его. Мухоровой сюртуку, плиса кожаная, сапоги повисшія, штаны и куртка толстаго сѣраго сукна, очень похожія на уборъ тогдашнихъ будочниковъ—вотъ что украшало наружность нашу! Сюртукъ суконный только походилъ кое на что. О близайшемъ же къ тѣлу, сиречь о бѣльѣ и говорить нечего. Если было чѣло оное, то таикъ таикъ пѣхъ, какъ холстъ, что у добрыхъ людей по поламъ разстилается. О понопленномъ же скажу только:

часто въ бани видишь, какъ иной казепионитный студентъ какія нибудь лоскутки на тесемкѣ ожимываетъ кругомъ себя. Сознаюсь, что, пришедъ въ возрастъ, часто съ завистью глядѣли мы на слугъ богатыхъ господъ, одѣтыхъ лучше каждого изъ насъ. Кажется, здесь нѣтъ места пословицѣ: по платью встречаютъ, по уму провожаютъ! Да, умъѣло скрытое... Но пословицу сю приводили намъ въ нравоученіе тѣ, кои одѣваются болѣго, не какъ отельники міра сего; равно какъ о пощечинѣ и воздержаніи говорили часто намъ, а сами всегда ѳдѣляются болѣго, нежели міране, и даже во дни поста великаго, держа питомцевъ на сухоядѣніи, сами пытаются стерлядями и шампанскою. Deus sit cum illis.

«Такимъ образомъ, унизительное состояніе по наружности и убитый рабствомъ духъ—не были причиной добра будущаго. Не касалось многаго, себя разсматриваю... А товарищи? У насъ по-року гнуснѣйшій Sobrietas—былъ въ похвальбѣ. Qui plus bibat, молодецъ,—какъ въ древности у Грековъ, во времена варварства и геройскихъ подвиговъ! De cauponis, de... taceo. И это—то дѣбется подъ палзоромъ святыхъ въ мірѣ ангеловъ! Господи! сколько потеряно тутъ первой младенческой доброты!... Но я по гробъ моей соблюди мою благодарность въ семипаріи, которая, конечно, не виновна въ такомъ превращеніи. Ибо почему же она не имѣла сихъ бѣдъ при Израилѣ? Почему Иннокентій умѣль употреблять мѣры сильныя къ истребленію золь подобныхъ? Теперь, (1836 г.) говорить, все улучшилось. Но кто придумалъ, кто изъ монаховъ озабочился перемѣнами? Никто. Самъ царь-батюшка узналъ, послалъ, вѣбѣль.»

II.

Вскорѣ по окончаніи курса, Виноградовъ назначенъ былъ учителемъ въ имбургское уѣздное училище; при этомъ ему выдано было изъ казны 50 р. «на обзаведеніе». Сборы въ дорогу были не продолжительны: «кромѣ скуднаго гардероба, я взялъ,—говорить автобиографъ—мои шпаргалки, мои книжечки, да сообразуясь съ назначеніемъ мнѣ учительской должности, у знакомыхъ и друзей выпросилъ географію, катихизисъ пропстранный Платона, Cornelium Nepotem и прочей учебной рухляди. Груст-

но было разставаться съ семинарией и товарищами, съ которыми 12 лѣтъ слишкомъ проведены въ дружбѣ, ссорахъ, занятіяхъ, забавахъ, секретахъ единодушныхъ.»

По приѣздѣ въ Ямбургъ, новоопредѣленный учитель встрѣченъ былъ радушно и ласково ректоромъ училища. «Послѣдній, былъ не изъ ученыхъ, но опытъ умудренъ, аккуратенъ во всѣхъ дѣлахъ, скроменъ и воздержанъ отъ пустословія, благодѣтеленъ и милосердъ къ проступкамъ подчиненныхъ. Въ 37 лѣтъ правленія его уѣздомъ сикъ не было въ консисторіи 37 дѣлъ по опому. Каждая рѣдкая черта. Ночевали въ ассигнованныхъ квартирахъ, въ большомъ училищномъ домѣ, противу фабриканта Либа, который послѣ и скоро перемѣнены, по указу государя,¹⁾ въ новый и прекрасный домъ, собственно для училища духовнаго...»

Приѣдь въ классъ, новый учитель замѣтилъ въ числѣ учениковъ довольно пожилого человека, съ бородкою. «Еще неизѣстство противится благотворнымъ мѣрамъ просвѣщенія,—замѣчаетъ по этому случаю автобиографъ,—и сіи бѣдные, полуустарые дѣти чрезъ полюцію выведены изъ тѣхъ домосѣдства въ свѣтъ ямбургскаго образованія, чтобы постигнуть тутъ премудрость чтенія и пѣнія, а чрезъ сіе не быть извергнутыми изъ своего званія и взятыми властью гражданской въ военную службу. Такое добро не пахнетъ для солдатства доброхотствомъ властей духовныхъ.» Виноградовъ былъ законоучителемъ, преподавалъ географію, латинскій языкъ и занималъ должность библиотекаря; жалованья получалъ 400 руб. въ годъ. Впрочемъ, денежная средстva его скоро увеличились, такъ какъ онъ, по случаю трехъ сказанныхъ имъ прош旎дѣй, «успѣлъ списать расположеннostи у первостепенныхъ города Ямбурга»,—и всѣхъствѣ этого, получилъ нѣсколько частныхъ уроковъ. При всемъ томъ, скромное хозяйство Виноградова какъ-то не клеилось: расходу и хлопотъ много, а толку мало... «Неудобство сіе, замѣчаетъ автобиографъ,—и напрасное хлопотавье о необходимости, и частыя неудовольствія заставили помянуть русскую пословицу: люди для щей живутся.» Виноградовъ женился.

¹⁾ «Замѣчательно, что когда Либъ просилъ государя Александра объ освобожденіи того дома отъ училища для занятія фабрикою, его величество написалъ: «фабрикѣ у меня много, а училищъ мало; училища доставляютъ достойныхъ перовъ застырѣй, а безъ фабрикъ можно обойтись.»

Вспоминая о жизни въ Лимбургѣ, Виноградовъ указываетъ на иѣкоего Кошкина. «Старикъ Яковъ М.... Кошкинъ при-
вилегированій механикъ, золотой медали на шеѣ кавалеръ,
лицо замѣчательное. Родомъ онъ изъ Олонца, ремесломъ по нача-
лу плотникъ. Сдѣлавъ первый столярной работы ящичекъ
швейный для какой-то купчихи, получилъ за онъ иѣдными пя-
таками 25 коп. Съ симъ богатствомъ онъ началъ жить, нажилъ
себѣ домовъ семь, между коими два были каменные въ столицѣ,
прочие деревянные, но при мельницахъ—его занятіи. Медаль и
званіе получили онъ слукаемъ, въ коемъ открылись его отличные
таланты—именно: когда въ александровской мануфактурѣ ино-
странцы предполагали устроить новые машины и на сей слу-
чай пожаловала государыни Марія Федоровна, то Кошкинъ, быв-
ший въ артели у подрядчика плотникомъ, узнавъ о событіи семь,
побѣжалъ въ собраніе; его не пускали; онъ началъ толкаться и
извозчикъ закричалъ: «Матушка! тебя обманываютъ!» государы-
ня велѣла его допустить, выслушала его резоны, подала ему
руку, а онъ, вѣсто того, чтобы добыть ону, сжалъ своею
рукою; ея величество приказала объяснить ему, какъ бы поправ-
ить машину, которую предполагали передѣлать, что составляло
около 100-т. рублей издержки. Кошкинъ, при ней же, пошелъ,
поправилъ винты и что находилъ нужнымъ—машина двинулась.
Огорченная обманомъ государыня потрепала его по плечу, назывъ
механикомъ и присовокупила, что она поручаетъ ему дѣлать другую
новую машину. Все это Кошкинъ сказывалъ мнѣ самъ. Онъ не
умѣлъ ни читать, ни писать; во всегда лучше и прочнѣе строилъ
мельницы и машины, нежели «ученые дураки», какъ онъ именовалъ
своихъ-механиковъ. Если что хотѣлъ имѣть онъ въ
памяти, то писалъ въ биркахъ: это было его го шеноріа.»

Небезынтересенъ также и слѣдующій разсказъ Виноградова:
«отецъ Александры Максимовны Медведевой—близкой родствен-
ницы моей жены,—былъ офицантомъ при дворѣ Екатерины II. Въ
его дежурство училиась пропажа иѣсколькихъ серебряныхъ серви-
зовъ, и бѣдный дѣль (послѣ мой былъ), котораго я видывалъ,
разжалованъ въ солдаты, лишившись всего своего имѣнія, кото-
рое записали въ казну. Семейство пришло въ крайность. Однажды
сінѣ дѣда—мальчикъ, самъ-ли, или посланъ кѣмъ изъ домашнихъ,
взялъ кота, пошелъ продать его на рынокъ, чтобы хотя

немногого купить хлѣба. Ему встрѣтился баринъ, спросилъ его—
куда и зачѣмъ несетъ онъ вата? Узнавъ же дѣль путешествія
малютки и все, взялъ его въ себѣ, привезъ и куда? въ зимний
дворецъ. А кто былъ баринъ? императоръ Александръ! За вата
дали 25 руб., генераль-адъютантъ посланъ въ квартиру бѣдно-
сти для освидѣтельствованія;—послѣ семейство приѣхало, а про-
дававшій вата, за бойкость и расторопность предъ государемъ,
принять въ придворную службу.»

Послѣ трехъ-лѣтнаго учительства въ Лимбургѣ, Виноградовъ
опредѣленъ былъ діакономъ въ Андреевской церкви, на Васильев-
скомъ островѣ въ Петербургѣ.

Въ 1823 году Виноградовъ имѣлъ случай познакомиться съ
В. Е. Клоповыми, который доставилъ ему потомъ учительское
место въ Горномъ корпусѣ, съ жалованіемъ по 250 руб. въ годъ
за преподаваніе свящ. исторіи. «Клоповъ былъ преобразовате-
лемъ всего хода учености въ Горномъ корпусѣ. Онъ основалъ
новый прекрасный порадокъ по сей части, самъ избиралъ и учи-
телей, вмѣсто бывшихъ староманерныхъ.»

«1824 года марта 18-го. Получилъ я еще кондиціи во вновь
открытой Горпозаводской школѣ, основанной графиней Софьею
Владимировной Строгоновой. При открытии говорилъ я рѣчь,
которая напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свѣннико.»
Въ упомянутой школѣ Виноградовъ получалъ жалованія по 600
руб., а въ корпусѣ, съ августа мѣсяца, въ знаніи законоучителя,
по 1,200 руб.

«Къ сему времени отнести должно изданіе двухъ указовъ:
первый изъ нихъ былъ о вѣбратіи усово духовенству; второй ка-
сательно платы и одѣянія женъ и дѣтей духовныхъ. Оба по
настолію митрополита Серафима.»

«Ноября 7-го того же 1824 года, въ началѣ 12-го часа по
полуночи, долготерпѣливый, но праведный Богъ, посыпалъ Пе-
тербургъ, а паче нашъ островъ неслыханнымъ наводненіемъ.
Кратко было оное; но ужасно и гибельно. Съ означенного часа
до двухъ по полудни вода, вышедшая изъ береговъ своихъ за день
ранѣе, лилась быстро и обильнымъ потокомъ во дворы, по ули-
цамъ, въ нижніе этажи, и покрыла весь островъ на весьма вы-
сокую мѣру. У насъ, въ соборномъ дворѣ, было оной до цѣлой
печатной сажени; между тѣмъ, какъ 1747-го года наводненіе помни-
в

ше уверяли, что тогда въ семъ дворѣ воды было менѣе $\frac{1}{4}$ аршина. Комнаты нижняго этажа, гдѣ я квартировалъ были залиты оною до двухъ аршинъ; въ обоихъ первыхъ полы покрыты были вершкою на 5. Правду сказать, ужасно и вспомнить о семъ событии. Какъ съ горы вода катилась во всѣ мѣста,—большія барки съ грузомъ своимъ плыли по проспектамъ острова, дрова и бревна очень скоро наполнили дворы,—лошадитонули съ упряжью и экипажами, куры, коровы—все гибло въ сіи страшныя минуты; а люди, не успѣвшіе укрыться куданибудь, цѣлялись по проспектамъ за вѣтви деревъ и висѣли, пока могли, а тамъ или, при помощи, спасались, или падали въ воду. Дѣй лошади вынужденныя приплыли къ намъ во дворъ; долго плывали по оному и наконецъ какимъ-то инстинктомъ попали на довольно высокое церковное крыльцо и тутъ нашли искальное спасеніе. Коровы, вѣроятно, желая спастись отъ смерти, поднималась на высокое сквозное крыльцо; но вода залила сіе бѣдное животное, морозъ окостенилъ ее и въ такомъ положеніи я видѣлъ ее висящую. Домы и колокольни были наполнены застигнутыми водою. Добрые жители острова, на проспектахъ живущіе, выкидывали изъ оконъ веревки и втачивали погибшихъ.

«Вода оставила по себѣ много странныхъ и смѣшныхъ слѣдовъ своего посѣщенія, не говоря о плачевыхъ и достойныхъ сожалѣнія. Напримѣръ: всѣ книги мои, брошенныя въ торопахъ на кухонную печь, съ сею печью упали въ воду, только библия, въ четырехъ томахъ, раскиданная по разнымъ мѣстамъ сей печи, уцѣльла, какъ бы на устроенныхъ для каждого тома столбикахъ. Ломберный столъ — выѣхалъ изъ зала чрезъ три комнаты въ спальню, съ салфеткою, которая какъ-то въ безпорядкѣ на немъ лежала, но не мокрая; а бочка съ квасомъ изъ закрытаго подпола, выплывъ въ щѣлости, угнѣздила въ спальнѣ на кровати! У меня и вездѣ печи попадали отъ воды, но только тѣ, которые въ тотъ день были гоплены.

«На третій день послѣ наводненія сердце мое поклекло меня въ 17-ю линію и ея окрестности. Тамъ я видѣлъ добрѣйшаго императора—утѣшителя несчастныхъ подданныхъ и съ нимъ графа Мих. Андр. Милорадовича. Послѣдній спросилъ у меня: «что батюшка! отпѣвать кого пришли?» «Я пришелъ, в. с.—во, по-плачать о участіи согражданъ»,—отвѣчалъ я. «Да, и мы затѣмъ

же пришли съ государемъ», кончилъ Милорадовичъ—и оба поднялись они по линіи на превысокую дровядную гору, пробираясь по среднему проспекту. Не могу и теперь бѣть слезъ рассказывать плачевыхъ изрѣнъ, водою начертанныхъ. Улица у 17-й линіи, направо, идущая къ смоленскому кладбищу, наполнена была могильными крестами, которые водою снесены съ своихъ мѣсть сюда. Не по далеку отъ сихъ могильныхъ памятниковъ подошелъ я къ прещирокому черному гробу: плачущая при немъ женщина стала просить меня отпѣть покойницъ, на что я извинился ей моимъ сапомъ діакона; нашослѣдокъ она раскрыла гробъ, и что представилось очамъ моимъ, мало зрябившимъ отъ множества слезъ? Довольно пожилая мать съ дочерью, зѣблыхъ лѣтъ дѣвицею, одѣтая въ шелковые зеленаго цвѣта капоты, руками и ногами крѣпко обнявшись, лицемъ къ лицу! Ихъ тагъ нашли въ лодкѣ, въ 17-й линіи; а дома, гдѣ жили онѣ, въ 21-й линіи перенесли въ 14-ю. По сей линіи вообще у каждого дома почти готово было домовище (гробъ); ибо каждый почти домъ виѣзжалъ въ себѣ мертвѣца, или извлеченаго изъ развалинъ, или только освобожденаго оттуда. Другія линіи были также непроходимы отъ насыщенныхъ домовъ, барокъ бревень, дровъ и проч. Недѣли времени и тысячи людей вужмы были, чтобы очистить и привести въ порядокъ нашъ островъ... О Васильевскій островѣ! я сказываю только частицу. Прочіе предметы горести скрыты были отъ взора моего: да и недостало бы силы описывать все. Бѣдная гавань, Черная рѣчка, Чекуши—что потеряли! Дѣти, отцы, матери, кровные, сосѣди—они передадутъ потомству неописуемыя утраты».

«Можно ли при сеѧть съ душевною благодарностью не вспомнить о милосердіи государя Александра? Не говоря о томъ, что онъ личностю своею угѣшаль несчастныхъ, въ самую грозу переплыть Неву и жить на островѣ около четырехъ сутокъ; по маловенію его явились средства къ облегченію участіи разорившихся. Наперти церковная сдѣлались мѣстомъ раздачи царевой милостины, у насъ на островѣ открылись дома для приюта и пантиਆ; Адмиралтейская сторона безостановочно подавала запевской сторонѣ хлѣбъ и другіе припасы; устроились комитеты. Родительница Александра I-го мать всѣхъ бѣдныхъ—императрица Марія—открыла новыя убѣжища подъ кровомъ своимъ для воспитанія дѣтей, потерявшихъ въ наводненіи родителей или воспитателей.

• Прибавлю нѣсколько анекдотовъ, относящихся къ 7-му ноября 1824 года, слышанныхъ отъ достовѣрныхъ людей.

• Покойникъ, похороненный за два дня до поздненія на Смоленскомъ кладбищѣ, въ день потопа приплылъ въ гробъ въ свою квартиру, гдѣ жилъ.

«На чердакѣ дома, плывавшаго по взморью, найдены два младенца въ лодкѣ, пресколько спящіе.

«Диаконъ Ак. Андреичъ Голубевъ, чтобы спастись отъ воды, кою былъ захваченъ въ своей квартирѣ, головою сахарной пробилъ потолокъ и прошелъ туда съ женой, гдѣ и дождался убыли водной».

III.

Въ маѣ 1825 г. диаконъ Виноградовъ посвященъ былъ въ сань священника въ церкви при императорской академіи художествъ.

«Въ 1825 г. ноября 27-го, въ два часа пополудни столица наполнилась горестю и воплемъ, по причинѣ кончины единственнаго изъ царей Россіи Александра Павловича, послѣдовавшей 19-го сего мѣсяца въ Таганрогѣ, куда отѣхалъ онъ для поданія облегченій болѣющей супругѣ своей государынѣ Елизаветѣ Алексѣевѣ.

«28-го дали мы присягу великому князю цесаревичу Константину Павловичу, ако императору. Церемоніалы сіи вѣдь прошли тихо и смиро; но передъ грозою, о которой слѣдующее, яво видѣнное, разсказжу:

«Съ 28-го ноября по 14-ое декабря, продолжалась сія сомнительная страшная типина. 14-го декабря пребудетъ незабвенныемъ для столичныхъ жителей и для Россіи. Отъ утра до ночи темной въ сей день было вотъ что. Мы все ждали на троицѣ царя Константина и не помышляли о предстоявшей грозѣ. Утромъ рано прислана изъ конеисторіи повѣстка о томъ, чтобы духовные собрались въ свои церкви въ 9-ть часовъ и ждали тутъ распоряженія себѣскаго начальства (Слава ангелу-хранителю Россіи, что о такомъ распоряженіи не знали мятеjhники!). Смущаемый какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ, въ 5-ть часовъ сего злополучного утра, отправился

14-го декабря 1825 г.

575

я къ нашему президенту¹), въ надеждѣ узнать отъ него, когда онъ, какъ начальникъ нашего заведенія, будеть въ церковь. На берегу Невы, близъ Исаакіевского моста, настѣтъ меня унтер-офицеръ Финляндскаго полка и подъ рукою рассказалъ мнѣ, что ночью офицеры ихъ были собраны генераломъ Шеншинымъ и что-то шумѣли. Это усугубило мое разстройство. Не видѣвшіи бѣдъ подобныхъ, но изъ исторіи знаа смысла, я боялся и молилъ Промышленія, да несѣтъ онъ мимо отечества горести... Алексѣй Николаевичъ поздравилъ меня съ новымъ государемъ Николаемъ, объявивъ, что цесаревичъ отрекся отъ престола. Послѣ сего, поговоривъ не много, привезъ мнѣ въ церкви ожидать его. Возвратясь домой, я приводилъ въ исполненіе приказанія сіи, не думая ничего, кроме присяги, подобной Константину; но было не такъ: мятеjhники воспользовались случаемъ. Всѣ служащіе въ академіи, равно какъ и всѣ воспитанники собрались въ церкви въ 9-ть часовъ и ожидали начальника до половины втораго,—его не было: онъ въ числѣ вельмож остался во дворцѣ, по причинѣ смутности, происшедшей въ войскахъ, какъ послѣ о томъ узнали. Между тѣмъ мы, въ сомнѣніи и нетерпѣливости, поплыли на берегъ, въ надеждѣ узнать, что дѣлается на той сторонѣ? Страшный шумъ парода на Петровской площади, у памятника Петрова, раздающійся во всѣ концы столицы, былъ отъбѣтомъ нашему начальному любопытству. Переходашіе съ той стороны на нашу, изъяснялись предъ нами разно: напримѣръ, одинъ говорилъ: «цесаревичъ прибылъ, народъ у Сената кричить, чтобы и жена его Конституція была царицей», другой: «Михаилъ Павловичъ поѣхалъ въ Сенатъ; народъ поздравляетъ его съ царствомъ!» Такъ понимала чернь туть обширный замыселъ, который затѣвали образованные мятеjhники! Наконецъ, пѣвторые изъ нашихъ рѣшились пойти на ту сторону узнать яснѣе и подробнѣе, нежели слушать такое странное и разнородное плетеніе. Но любопытнымъ досжалось было: иныхъ потащили въ каре бунзующихъ, а одному почетному чиновнику за ослушаніе нанесся сильный толчекъ, больше бы получить, да Рыльевъ закричалъ: «не тронь,—это артистъ». Шумъ становился сильнѣе; вместо прибытия своего г. Оленинъ прислалъ приказаніе идти по квартирамъ, запереть окна

¹) Начальнику академіи художествъ, Алексѣю Николаевичу Оленину.

и двери. Вследствие чего, торопясь домой, на улице встретился я с женой и двоюродной сестрой, при которых было по дочери; они шли на церемонию к Сенату, где, какъ имъ сказано, пароль поздравлялъ в. кн. Михаила! Вечеромъ и темнѣло уже, какъ дошла до насъ печальная вѣсть, что военный генералъ-губернаторъ Михаиль Андреевичъ Милорадовичъ смертельно раненъ бунтовщиками, что усвѣщивали безумцевъ митрополиты и возвратились безъ успѣха; говорили также, что въ толпахъ сихъ народовъ командаются люди странно одѣтые, что ранили адъютанта И. И. Ростовцева, Фридрихса, Шеншина и проч. и проч. При сихъ новостяхъ овладѣли нами слезы, страхъ и боязнь. Приближалася темнота страшала всѣхъящихъ несчастіемъ и губительствомъ. Разсыпалася картечка, и гдѣ безумцы! Ихъ не стало, только площадь, только Галерная улица, стѣны Сената... обличали ихъ, укоряли ихъ и оставили вѣчную память о матежѣ! Несчастные солдаты! можно сказать—они невинны. Мы самому вѣялись они (извѣсторые), что ничего не знали, и даже не понимали, куда и на что вели ихъ начальники. У меня во дворѣ было ихъ много; не знаю, какъ они забѣжали, когда началася стрѣльба; я уговорилъ ихъ возвратиться къ своему мѣсту — и добренѣкѣ послушались совѣта. Не забуду, что въ канунъ славной, но горькой смерти графа М. А. Милорадовича, я видѣлъ его въ Казанскомъ соборѣ, на панихидѣ по Александрѣ I-мъ, онъ горько плакалъ. Увы! на другой день и обѣ немъ сограждане проливали горькія слезы. По разсыпаніи крамольниковъ, ночью загорѣлись костры по Острову, устроились пикеты. Страшенья былъ день сей, не радостица была и ночь сіѧ...

«15-го декабря была новая присяга имѣй (1836 г.) царствующему государю Николаю Павловичу. Сердца успокоились. Въ этотъ день на Петровской площади видѣлъ я *sanguinis multa signa* и смотрѣлъ какъ щекатурили сенатскую стѣну, испещренную пулями.

«1826 г., марта 6-го, встрѣтили мы тѣло государя Александра въ Чесмѣ и оттуда провождали оное до Казанского собора. Отсюда 13-го числа вынесено оное въ Петропавловскій соборъ, гдѣ и потреблено. Сто пушечныхъ выстрѣловъ огласили городъ сего печальною вѣстю въ тотъ день; но бѣженіе сердца русскаго

ручается, что имя Благословеннаго будеть долго въ Россіи и другихъ съ оною соединенныхъ странахъ».

16-го марта О. Виноградовъ прекратилъ уроки въ горномъ корпусѣ, а въ іюнѣ опредѣленъ былъ къ Гатчинской придворной церкви, «какъ священникъ ученый, честный, могущій сдѣлать честь мѣсту».

1827 года, іюня 21-го лично объявлена была о. Виноградову отъ митрополита благодарность по поводу присланного къ нему отъ государыни имени письма, въ которомъ было сказано: «за опредѣленіе къ Гатчинской придворной церкви достойнаго священника, коимъ Ея В. очень, очень довольна». Владыка восхіщенья былъ; «да,—сказалъ онъ мнѣ,—вѣдь это пишеть не простая барыня, царица, мать императора». 9-го октября о. Виноградовъ былъ произведенъ въ протоіерейскій санъ.

«1828 г. октября 1-го въ послѣдній разъ служилъ я при лицѣ государыни литургію, съ пѣвчими воспитательного дома, подносить ей просфору и слышалъ драгоцѣпнія слова ея: «покорно благодарю васъ, батюшка! Вы служите очень хорошо. Я не прощаюсь съ вами; скоро увижуся опять, черезъ пять дней буду сюда».

«24-го октября, въ 3 часа по полуночи, переселилась въ вѣчность государыня Марія Феодоровна, благодѣтельница общая, которая много чаянія и надежды нашихъ унесла съ собою. Примѣчательно: генералъ Шенкель мнѣ говорилъ, что государыня дѣла милосердія окончила мною, именно подписать сто рублей на похорони жены моей (умершей 2-го октября), болѣе уже ничего не писала. А въ канцеляріи узналъ, что и начала она благодѣнія тоже со священника.

«1829 г., января 14-го, имѣль я счастіе встрѣтить государя Николая Павловича въ придворной церкви и съ нимъ говорить. Это было въ первое его посѣщеніе Гатчины по смерти родительницы. После сего случая высочайше пожалованна памъ крестовая ризница.

«1830 г. Въ седьмь году появилась въ Россіи губительная холера. И по сю пору (1836 г.) никто кажется не даль яснаго понятія о заразѣ сей, хотя мудрая медицина многиа множества написала умствованій. Умирали скоро въ страшныхъ мукахъ, сопровождавшихся рвотою, конусомъ и корчами. Итакъ умерло очень многое какъ въ столицѣ пашей, такъ и въ иныхъ мѣстахъ отечества...

«Но, къ удивленію и сожалѣнію, въ умахъ чернаго народа родилась удивительная зараза: они не видѣли и не хотѣли видѣть въ столь всеобщемъ несчастіи руки Божіей, карающей за грѣхи; напротивъ, они были увѣрены, что смертность сія происходила отъ враговъ, истребляющихъ ихъ сословіе какими-то зелеными, въ водѣ и въ пищѣ, ими употребляемыхъ; никто не могъ разувѣрить ихъ въ мнѣніи, будто колодцы наполнялись ядомъ, будто рѣки текущія имѣли заразительные способы отъ враговъ сихъ. Такая страшная мысль, такое умственное омраченіе превратилось скоро въ возмущеніе и люди изъ черни, превратясь въ сущихъ изверговъ, мученически сгубили многихъ начальниковъ и благодѣтельныхъ врачей. Такое приключение сотворилось въ поселеніи,—и въ бѣдной столицѣ почти тоже начиналось. Вообще въ холерѣ замѣчена болѣзнь не столько тѣлесная, сколько нравственная. Какъ бы тутъ кстати были проповѣди!... Но... вѣтъ зазатусти, говоруны и хвастуны—ораторы духовные и свѣтскіе молчали, будто вакъ нѣмota овладѣла ими. Правда, они не привыкли пользоваться такими случаями. Это обстоятельство не столь выгоднымъ для нихъ казалось, какъ написать проповѣдь или стишокъ, или иное что на рожденіе... За то большую пользу принесло всеобщее увѣщеніе¹⁾, отъ синода посланное. Право, три раза прочитавъ сіе прекрасное, (но весьма позднее) сочиненіе, поневолѣ прекратили чтеніе, которое должно было продолжаться около нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Однъ умный человѣкъ, выходя изъ церкви нашей, слыша разговоры трехъ разного сорта людей о сей проповѣдѣ, именно вотъ что:—первый говорилъ: «что это протопопъ читалъ? Кажется, проповѣдь,—да не свою, печатную и что-то поминальную холеру; видно она была не въ шутку, вишь и въ церкви-то читаются»; другой: «локоть близко, да не укусишь; сначала пощупали по военному, потомъ въ церкви начали»; третій: «точно, братъ, въ колодцы кидали ядъ, слышали ли ты, какъ и въ проповѣдѣ о томъ говорено?» Какъ бы, прибавлю, полезны были предварительныя слова въ самомъ начальѣ эпидеміи. Нѣтъ, у насъ доказки не было! Вспомнишь, то же было и во время потопа: точно какъ всѣ проповѣдники утонули!

«1831 г., іюля 31-го, церемоніально встрѣтили мы тѣло госу-

¹⁾ Оно вѣслано по упущеніи бунтовъ, и почти послѣ холери. И. В.

дара цесаревича Константина Павловича, скончавшагося въ Витебскѣ, отъ холери».

«Въ семь же году явился въ Гатчину преобразователь старой пономарской, и послѣ онай бывшей въ употреблениіи ландкастерской методы обучения, на методу Жакото. Въ газетахъ было пропечатано, что случай вдохнуль ему мысль сию: онъ въ почѣ прочелъ цѣлую книгу, принадлежавшую какому-то его знакомцу, отправлявшемуся въ путь, и это споросѣніе прочтение явило миру гатчинскому удивительное сѣтило. Но... кажется не удалась выдумка. Метода Жакото, по мнѣнію моему, есть то же, какъ еслибы можно было жидкость мірской мудрости всю перелить сквозь воронку, поставленную въ тема учащагося! По ней ребенокъ сначала судить, потомъ читать, а послѣ буквы познаетъ. Сія метода есть варварство учащимъ, мука страшная учащимся. Незнаю долго ли будетъ существовать оная? Но продолженіе ея не соотвѣтствуетъ громкому и славленному началу: et finis coronat opus.»

«Октября 1-го великий государь¹⁾, узнавъ о побѣдѣ надъ поляками, послѣ уже обѣдни, въ радости сказалъ: «мы сегодня въ гостяхъ у русскихъ солдатъ»,—и съ симъ велиль подать то, что нынѣтъ воины, и самъ всѣхъ, даже дамъ, подчиналь оными.

«1833 г., 22 іюля, погода была довольно сырая и студеная къ ночи, не смотря на то, государь не почеваль во дворцѣ, а въ своей лагерной палатѣ, недалеко отъ конюшенъ кирасирскихъ, на углу площади, по которой 60 тысячъ войска бивуаками расположено было. Утромъ вышедъ въ сюртуѣ, и перекрестясь, привѣтствовалъ воиновъ поклономъ, безъ фуражки, сказавши: «холоднѣко, ребята!» «Нѣтъ, В. И. В., рады стараться»,—раздалось въ отвѣтъ.

«Въ 1835 году, послѣ присутствія на маневрахъ въ Гатчинѣ, 7-го іюля, государь никогдѣ сдѣжалъ домикъ деревенскій гдѣ-то у Петергофа, самъ перерядился въ бѣдного отставнаго старика воина, одѣвъ въ рубища своихъ сыновей и дочь, и принималъ тутъ царицу-супругу, которая совсѣмъ не узнава его!»

Въ концѣ этого года протоіерей Виноградовъ отправился на родину, въ Старую Ладогу.

¹⁾ Въ это время государь былъ въ Гатчинѣ.

Повидавшись съ иѣвторыми родными и знакомыми, онъ со своими спутниками отправился обратно. Въ нѣсколькихъ перстахъ отъ Новой Ладоги, въ селеніи Дубиѣ, они остановились у родственниковъ. Въ этомъ селеніи посѣтили они домикъ съ надписью: «здѣсь безсмертной славы знакъ». Дѣйствительно, въ немъ хранятся вещи достопамятныя: 1) ботикъ со всею оснасткою, на которомъ Петръ Великій по прокопанному началу канала изволилъ кататься и 2) двѣ лопатки, простыя, желѣзныя, съ деревянными палками, одна—его же государя Петра Алексеевича, другая—цесаревны Анны Петровны. Сими инструментами особы сіи, показывая примѣръ подданнымъ, начали, какъ говориться, своеручно рыть Ладожскій каналъ. Домикъ, хранилище сихъ вещей, довольно хорошо от��анъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Затѣмъ въ Орѣшкѣ (Шлиссельбургѣ), разсказываетъ автобіографъ. ходили мы въ соборъ, гдѣ видѣли рѣдкости: св. евангеліе и крестъ. Первое напечатано и обложено при царѣ Федорѣ Алексіевичѣ, и оба подарены церкви сей великимъ завоевателемъ Ключа города (Schlüsselburg). Недоѣзжая до Аенинскаго, одно мѣсто замѣтили мы: нѣсколько сосенъ, обнесенныхъ чистенькою оградою, мѣсто нарицаемое «красная сосна». Говорять, что побѣдитель шведовъ, Петръ I, здѣсь сидѣлъ въ ожиданіи извѣстія о рѣшительной сдачѣ Орѣшка».

Воспоминанія свои протоіерей Ioannъ Виноградовъ заканчиваетъ разными религіозно-нравственными размышленіями по поводу своей жизни.

Сообщ. въ 1874 г. М. И. Платонова.

(Рожд. Виноградова).

Из воспоминаний И. А. Виноградова

Иван Афанасьевич Виноградов (1794—1842) — в декабре 1825 г. священник церкви Свято-Софийской Консистории¹ Святого Духа при Академии художеств.

Из семьи священника, уроженец Старой Ладоги. Обучался в Петербургской духовной семинарии, по окончании которой в 1819 г. был назначен учителем в Ямбургское духовное училище (1819—1822). Впоследствии дьякон Андреевского собора на Васильевском острове в Петербурге, законоучитель в Горном институте (1823) и горнозаводской школе (1824). С 1825 г. — священник церкви при Академии художеств. С 1826 г. и до конца жизни — протоиерей Гатчинской придворной церкви.

Фрагмент датируется 1836 г.

Впервые: РС. 1878. Т. 22. № 8. С. 574—576 (publ. M. I. Платоновой).

Воспроизведено по этой публикации.

¹ Консистория — церковно-административный и судебный орган при епархиальном архиерее.

² См. примеч. 38 к письму А. Н. и Е. М. Олениных В. А. и Г. Н. Олениным.

³ Под рукой — негласно, келейно.

⁴ В декабре 1825 г. генерал-майор л.-гв. Финляндского полка В. Н. Шеншин командовал 1-й гвардейской пехотной бригадой и непосредственно в полку не служил.

⁵ О событиях в л.-гв. Финляндском полку в ночь на 14 декабря см. «Записки декабриста» А. Е. Розена в наст. изд.

⁶ См. примеч. 1 к запискам Ф. П. Толстого.

⁷ См. письмо А. Н. и Е. М. Олениных В. А. и Г. Н. Олениным в наст. изд.

⁸ Ср. воспоминания А. П. Башуцкого (наст. изд. С. 124).

⁹ См. примеч. 27 к запискам В. И. Штейнгейля.

¹⁰ См. примеч. 7 к запискам Ф. И. Иордана.

¹¹ Имеется в виду Васильевский остров.